

The illustration is a dark, gothic-style drawing. It features a stone archway with a skull on the left and a man with long dark hair and a serious expression on the right. The man is wearing a dark, high-collared garment with buttons. The background is a textured, dark grey.

Вацлав Сдобнич
ЗАПИСКИ
ДОКТОРА
МЕРЗОТИКА

18+

Вацлав Сдобнич

Записки доктора Мерзотика

«Автор»

2026

Сдобнич В.

Записки доктора Мерзотика / В. Сдобнич — «Автор», 2026

Доктор Альфред Мерзотик — врач из Дюссельдорфа XVII века, переживший кораблекрушение, монастырские тайны, безумие и возвращение туда, откуда не возвращаются. Его прошлое — это лаборатория: медицина и алхимия - работа над формулой эликсира Штраубе, с опытами над людьми. Но когда граница между видениями и реальностью исчезает, а старые имена возвращаются из могил, Мерзотику предстоит сделать выбор: продолжить путь исследователя или принять расплату за всё, что он называл наукой. Это мрачная философская повесть о бессмертии, алхимии и цене знания — история врача, который слишком хорошо понял, что значит лечить.

© Сдобнич В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Доктор из Дюссельдорфа.	5
Глава II. Пациент без имени.	7
Глава III. Последний эксперимент.	9
Глава IV. Пробуждение.	10
Глава V. Возвращение Штраубе.	11
Глава VI. Дом двух врачей.	13
Глава VII. Морской путь.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Записки доктора Мерзотика

Глава I. Доктор из Дюссельдорфа.

В 1687 году, в немецком городе Дюссельдорфе, жил и практиковал прикладную хирургию ничем не примечательный доктор.

В городе его знали под настоящим именем – доктор Альфред Мерзингер. Беспризорные мальчишки, что ютились под крышами складов, мелькали по подворотням и первыми узнавали о всяких ночных странностях, быстро дали ему другое имя. Шёпот этот родился из сочетания его фамилии и той липкой, тревожной ауры, которая будто застилала воздух, когда доктор выходил по ночам. Они не знали, чем он занимается, не могли объяснить, что именно в нём было неправильным, но чувствовали нутром – этот человек приносит с собой что-то нехорошее. Так и прилипло к нему прозвище – сначала насмешливое, потом пугающее. А вскоре – пророческое. Мерзотик.

Альфред не принадлежал к касте зажиточных врачей из Альтштадта – старого города, где лекари жили в собственных домах, и тем более не числился среди придворных медиков, обитавших в богатых кварталах. Обычное утро доктора начиналось с криков и шума бродяг, доносившихся с улицы через крошечное окно спальни, которая служила и кухней, и столовой. Скромный завтрак – кружка пива, кусок мяса, запечённого на углях, и немного овощей с местного рынка – открывал день городского лекаря. После завтрака доктор закуривал трубку и принимался ухаживать за геранью на грязном подоконнике. Эта процедура, неспешная и почти ритуальная, приносила ему странное умиротворение перед очередным днём его жуткой профессии.

Надев старый чёрный камзол, купленный десять лет назад во время поездки в Англию, поправив длинные пряди тёмных волос и взяв потёртый саквояж с пилами, ножами, щипцами и другими орудиями, доктор привычно щёлкнул тростью по перилам и в два прыжка сбежал по лестнице, выскочив на вонючую утреннюю улицу. Домовладельцем его был старикашка с сальным лицом и вечной ухмылкой. Альфред ненавидел его и часто ловил себя на мысли, что, попадись тот ему под руку в минуту вдохновения, ухмылка быстро бы сменилась гримасой ужаса – как у прочих бедолаг, рискнувших лечиться у доктора.

Но ничто не могло испортить игривого настроения Альфреда этим утром: ни смрад помоев, ни навоз, залепивший булыжные улицы, ни угрюмые лица крестьян, бродящих с одной мыслью – как бы выжить. Выжить хотя бы на животном уровне: продать урожай, добыть немного хлеба, не попасться под руку разбойникам или людям герцога Берга. Проходивший мимо доктор не вызывал ни страха, ни подозрения. Он шёл и мысленно проводил процедуру кровопускания – панацею от всех болезней, как тогда полагали. Без антисептиков и анестезии она казалась почти гуманной на фоне ампутаций ржавыми пилами.

Окончив Оксфорд, где изучали медицину по книгам Галена, Альфред вернулся на родину и посвятил себя служению людям. Чума, оспа, дизентерия, тиф, бесконечные войны – всё это не оставляло без работы европейских врачей, далёких от настоящей науки. Настоящее знание приходило лишь с практикой – часто у цирюльников и аптекарей. – Как же так вышло, – размышлял доктор, – что год назад пациент и я с инструментами вдруг оказались не в анатомической, а на заброшенной мельнице под Дуйсбургом?..

Вчера к нему обратилась женщина с болями в боку. Альфред по одному взгляду понял диагноз, но не стал пугать беднягу, пригласив её на следующий день в специальную комнату при богадельне. Мужчина с камнями в мочевом пузыре уже лежал на столе. Доктор достал инструмент – и вдруг всё потемнело. Сколько это длилось – минуту? час? Когда сознание вернулось, он увидел ту же сцену, но в другом месте. Лица у пациента не было. Совсем. Подобные

странности происходили уже год – после каждой сложной операции. Доктор не мог объяснить эти перемещения ни с научной точки зрения, ни с какой-либо другой. Мистика!

Он не боялся осуждения: ему было безразлично мнение общества и судьбы его подопытных. Бедняков никто не искал. Если же приходили родные, он отвечал, что тело было сожжено ради предотвращения распространения чумы. Эти слова звучали убедительно и внушали ужас. Люди низших сословий рождались с мыслью о смерти. Вседозволенность, безнаказанность и холодное любопытство породили в нём нечто, чему он сам не пытался дать имени. Следить за его психикой было некому: родителей не стало во время «Чёрной смерти», друзей он растерял, связи оборвались. В Дюссельдорфе Альфред жил замкнуто, избегая людей, – больше по привычке, чем из страха. Судьба, или, может быть, просто крепкое здоровье, позволили ему пережить все эпидемии. Страх он утратил. Совсем.

Боятся ли маньяк быть пойманным? Нет – его страшит лишь невозможность продолжать свои грязные дела и уйти в забвение. Так было и с Альфредом. Единственным, кто хоть как-то присутствовал в его жизни, был домовладелец Йост – брюзга-старик. Он унаследовал дом после смерти сестры и её мужа, которых «списали на тиф». Деньги Йост хранил в мешочке, зарытом в навозе, и каждый день проверял его содержимое.

Однажды, за утренней трубкой, в голове доктора родился план. Простой, но ясный: устранить Йоста и обрести дом. На первом этаже – приёмная. На втором – жильё и лаборатория. Через четыре месяца соседи нашли в куче навоза человеческие останки. Свиньи, разрывая кучу, не тронули лишь мешочек с деньгами.

Смена адреса практики не изменила сути. Как художник пишет полотна, так доктор творил операции. Лишь на ненавистного Йоста он потратил целую неделю – добавляя к своему «произведению» изошрённые штрихи. Получив связи в магистрате, Альфред без труда оформил дом на себя. Теперь его жилище напоминало дом зажиточного врача: приёмная внизу, спальня наверху. Семьёй ему служили инструменты и герань на окне. Он одинаково заботился о ржавых пилах и нежных лепестках цветка.

Глава II. Пациент без имени.

Прошло несколько месяцев после загадочной пропажи домовладельца Йоста, и жизнь доктора вошла в привычное русло. Никто особенно не скучал по старику: в те годы исчезновения считались столь же обыденными, как дождь или похороны. Разве что соседка из булочной пару раз спрашивала доктора, не видел ли он Йоста – но, получив в ответ его вежливую улыбку и фразу «покой должен быть вечным», быстро сменила тему.

Теперь дом доктора наполнялся иными звуками: плеск кипящей воды, скрип шприцов, журчание жидкости в колбах и глухие стоны подопытных, привязанных к столу.

Мерзотик убеждал себя, что служит науке. Той самой, что не нуждается ни в свидетелях, ни в одобрении. Науке, для которой достаточно крови, терпения и отсутствия сомнений.

Иногда, когда он работал особенно долго, доктор замечал странные вещи: теней становилось больше, чем предметов; звуки задерживались в воздухе, как эхо в могиле; а из-за спины доносился чей-то шёпот – тихий, настойчивый, похожий на пульс. – Записывай, Альфред... – настаивал голос. – Формула почти завершена. Он кивал, как студент перед экзаменом, и продолжал писать. К утру стол был завален листами – латиница, немецкий и строки, происхождение которых он не мог вспомнить. Но Мерзотик не помнил ни слова из написанного. Всё, что оставалось в памяти, – лёгкий звон в ушах и вкус железа на языке.

В один из таких вечеров в дверь постучали. Редкость. Пациенты Мерзотика обычно не стучали – они стонали, падали или просто оставляли следы крови на пороге. На этот раз стоял человек в длинном плаще, промокнушем от дождя. Лицо бледное, губы синие, глаза – усталые, но живые. Доктор узнал его не сразу – скорее зрением, чем памятью. – Рихард... Штраубе? – произнёс он, словно проверяя имя на вкус.

– Пока ещё да, – хрипло ответил гость. – Но ненадолго.

Штраубе был его старым коллегой по университету в Оксфорде, блестящим анатомом, философом медицины. Говорили, что он уехал в родной Дюссельдорф и занялся «новыми способами продления жизни». Теперь он стоял на пороге, дрожащий, как свеча на сквозняке.

– Проходите, друг мой, – сказал Альфред, усаживая его к камину. – Что с вами? Штраубе молчал. Потом медленно стянул перчатки, обнажив руки, изъеденные язвами и укусами. – Я... ставил опыты, Альфред. На себе. – Он усмехнулся, и изо рта потекла кровь. Поначалу мне казалось, что я превзошёл природу. Теперь же каждую ночь я умираю – и каждое утро вновь просыпаюсь.

Доктор слушал с неподдельным интересом. – Вы достигли того, к чему мы все стремимся, – сказал он, наклоняясь ближе. – Победы над смертью. – Это не жизнь, – прошептал Рихард. – Я чувствую, как тело гниёт, пока я в нём живу. Он поднял взгляд. – Альфред, помоги мне. Останови этот процесс. – Или заверши, – добавил он уже шёпотом.

Мерзотик не стал отговаривать. Он видел перед собой не коллегу, а величайший экспериментальный материал, подаренный самой судьбой. – Конечно, мой друг, – мягко сказал он. – Вы обратились по адресу. Мы разберёмся, что с вами. – Только прошу, – прохрипел Штраубе, – не дай мне умереть, как животному. Сделай это... научно.

Ночь выдалась длинной. Доктор трудился молча, осторожно, с благоговением. Он изучал тело своего старого товарища, словно раскрывал тайну мироздания. К утру в комнате пахло эфиром, спиртом и чем-то ещё – железным, как гнилая медь.

Когда всё закончилось, на столе лежал покойный доктор Штраубе, спокойный, почти умиротворённый. Мерзотик стоял над ним, задумчиво глядя в лицо. – Теперь ты действительно победил смерть, Рихард, – произнёс он. – Ведь теперь ты часть науки.

Он записал всё в свой журнал, приложил эскиз органов, указал пропорции крови и состав жидкости из желудка. А потом, не сдержав улыбки, добавил на полях: «Новый образец демонстрирует интересные признаки сохранения тканей. Вероятно, можно использовать повторно».

Глава III. Последний эксперимент.

Смерть коллеги не оставила в душе доктора Мерзотика ни скорби, ни радости – только зуд любопытства. Он пытался анализировать ощущения, но заметил, что с некоторых пор чувства его притупились. Он мог вскрывать грудную клетку живого человека и думать, что приготовить сегодня на ужин.

Тело доктора Штраубе пролежало в подвале две недели. Не разложилось. Более того – по ночам казалось, что кожа его теплеет, будто он дышит. Альфред поначалу списывал это на усталость, потом – на игру света, а потом решил, что надо проверить.

Он приготовил сыворотку, составленную из вытяжек органов Штраубе, добавил туда немного крови молодого подопытного и щепоть собственной – «для связи поколений», как он с усмешкой сказал себе. Записал в журнал: «Цель опыта – проверить возможность приживаемости живой материи в организме субъекта. Субъект – я».

Первый укол он сделал себе в вену на левой руке. Через минуту кожа побелела, потом покрылась потом, потом – кисть начала непроизвольно двигаться, сжимаясь и разжимаясь в кулаке. Пульс участился, дыхание сбилось, и где-то в глубине черепа заворочалась мысль. – Ну здравствуй, коллега... Голос был тихим, будто кто-то говорил внутри.

Доктор не испугался. Он усмехнулся. – Прекрасно. Значит, память сохраняется.

Он сделал второй укол – прямо в шею. В этот раз тело содрогнулось, кровь побежала из носа, но сознание прояснилось. Мир вокруг стал почти прозрачным, как в момент между сном и смертью. Он чувствовал, как сердце бьётся не только у него, но и в теле на столе, в мёртвом теле Штраубе.

Следующие дни прошли как во сне. Он перестал есть, спать и уставать. Пульс то исчезал, то возвращался. Когда он порезал себе руку, кровь не текла.

– Мы едины теперь, – говорил голос в голове.

Граница между ними стиралась. Иногда он уже не был уверен, чьи мысли сейчас слышит. Мерзотик кивал. Он больше не спорил с голосами. Он ощущал себя частью эксперимента, который превосходит понимание смертных.

Через неделю его нашли ученики из городской богадельни. На столе лежали два тела – почти одинаковых. Одно ещё дышало, другое давно остыло. Трудно было понять, где какой доктор: черты лиц словно слились.

На стене над столом висел лист бумаги с последней записью: «Я не умер. Я перестал быть человеком. Жизнь – это наблюдение. Смерть – ошибка в расчётах».

После тех событий дом Мерзотика стоял заколоченный. Горожане обходили его стороной, особенно по ночам – говорили, что оттуда доносятся звуки шагов и тихий разговор двух людей. Иногда – смех. Редкий, сухой, безжизненный, но почему-то до боли знакомый.

Глава IV. Пробуждение.

Новость о смерти Штраубе город принял с осторожным облегчением. Слухи о его опытах давно покинули стены лаборатории: ему приписывали пересадки органов, инъекции неизвестных составов и попытку заменить собственное сердце. Когда тело вынесли из дома, священник отказался отпевать – заявил, что душа его уже принадлежит не Богу. Ночью, без колоколов и без свидетелей, Штраубе похоронили за оградой кладбища, на сыром откосе. Не поставили ни креста, ни таблички. К утру свежую землю размыв дожди, и могила выглядела как след, который земля сама старалась скрыть.

Альфред Мерзотик тем временем лежал без сознания в незнакомой ему комнате. После опыта с сывороткой он оказался в состоянии, которое нельзя было назвать ни жизнью, ни смертью. Его ученики нашли его в лаборатории: халат порван, кожа покрыта сетью сосудов, зрачки расширены, как у трупа, но сердце билось. Понимая, что не могут оставить тело учителя на растерзание слухам, они отнесли его в городскую богадельню.

Там, среди стона, запаха карболки и гнили, ученики неделями пытались удержать доктора по эту сторону – укус, пиявки, раскалённый металл на груди. Он не приходил в сознание, только иногда шевелил губами.

Однажды ночью один из учеников – младший, нервный парень по имени Генрих – остался у постели Мерзотика. Доктор зашептал, почти без звука: «Нельзя останавливаться... Он всё ещё говорит...»

Генрих замер. Он знал, что учитель занимался вещами, о которых лучше не говорить в приличном обществе, но эти слова звучали как откровение. «Меня не принимает смерть...»

Эта фраза будто впиталась ему под кожу.

Через несколько дней Мерзотик начал открывать глаза. Он был бледен, будто высушен изнутри, и говорил тихо, но уверенно. Память возвращалась обрывками, и каждый раз, когда он вспоминал о Штраубе, уголки его губ подрагивали в почти нежной улыбке.

Генрих всё чаще приходил к нему. Он слушал, записывал бессвязные слова и постепенно понимал – готовится новый эксперимент. Но теперь, по его словам, нужны «свежие тела». Не мёртвые, не живые – те, что на грани.

Однажды ночью Генрих покинул богадельню – и до рассвета его никто не видел. А утром на столе возле койки доктора лежала молодая женщина – беспризорница, пропавшая из соседнего приюта.

Мерзотик открыл глаза. Посмотрел на Генриха. И впервые за долгое время его улыбка была осмысленной. – Ты понял меня правильно, мой мальчик, – прошептал он. – Теперь мы продолжим дело вместе... не иначе.

С этого дня в богадельне начали происходить странности. Пациенты исчезали, сторожа жаловались на звуки шагов и тихие голоса из подвала. А однажды ночью один из врачей поклялся, что видел, как Мерзотик идёт по коридору босиком, а следом шёл второй – в том же халате, с тем же лицом и глазами, лишёнными жизни.

Глава V. Возвращение Штраубе.

Осень пришла преждевременно – с холодом, плесенью и тяжёлым воздухом, который будто сам дышал сквозь землю. За кладбищенской стеной, где хоронили безымянных и проклятых, оставалось место, от которого сторожа сторонились. Именно туда, в сырой овраг за пределами кладбища, в яму без креста и таблички, ночью закопали доктора Штраубе – завернув тело в грубую холстину, без всякого почтения.

Церковь отеклась от него. Священники шептались, что он вызвал на себя самого дьявола, экспериментируя с плотью и душой. Отпевать отказались, гроб не дали – «чтобы зло не запереть, а отпустить».

Когда в богадельне стих последний кашель, Мерзотик, всё ещё слабый после горячки, позвал Генриха. Голос звучал тихо, но с прежним стальным оттенком: – Возьми лопату. Сегодня ночью мы вернём долг науке.

Они вышли, не включая фонаря. Ветер стонал между крестами, и где-то далеко в темноте шуршала крыса – или душа, сбежавшая из тела. Указав на безымянный холм, Мерзотик сказал: – Копай, мальчик. А я помогу.

Генрих вонзал лопату в мокрую глину, швыряя комья в стороны. Доктор же, стоя на коленях, разгребал землю руками, чувствуя пальцами, где заканчивается холод земли и начинается холстина. – Осторожно. Он должен быть цел.

Под слоем земли показалась грубая тряпка. Мерзотик сам поддел её скальпелем, обнажив тело. Штраубе лежал неподвижно, но почти не тронутый тлением: кожа натянута, глаза полуоткрыты, губы синие, как у замёрзшего. И ни следа мертвечины – только лёгкий запах эфира и укуса. – Он не умер, Генрих, – выдохнул доктор. – Он лишь... задержался между мирами.

Тело завернули в новый холст и подняли на плечи Генриха. Доктор шёл рядом, придерживая за ноги. Ночь была глухая и вязкая, и только редкие отблески фонаря отмечали путь по старым переулкам.

У дома Мерзотика было темно и тихо. Доски на окнах были сбиты крест-накрест, а дверь заколочена. Генрих отложил тело, ухватился за гвозди, рванул доску с треском и оторвал вторую, чтобы можно было протиснуться внутрь.

Внутри пахло пылью, плесенью и аптекарскими снадобьями. Паучьи сети свисали со сводов, под ногами хрустело стекло. Доктор велел зажечь лампу, и желтоватый свет выхватил из тьмы старый хирургический стол, покрытый пятнами и ржавыми следами.

Они уложили Штраубе на холодную металлическую поверхность. Мерзотик обошёл стол, осматривая тело, как старый реставратор древнюю картину. – Видишь, Генрих, – прошептал он. – Его плоть сохранилась. Он знал, как это сделать. Мы лишь продолжим начатое.

Генрих стоял, не мигая, пока доктор готовил инструменты – иглы, стеклянные трубки, банки с растворами. Мерзотик разложил свои инструменты и достал бережно записанный Генрихом рецепт, который шептал в бреду, находясь без памяти в стенах богадельни. *Aqua vitae... sanguinem... spiritum mutare... resurrectio per serum... Mein Blut, Straubes Blut...*

Смешивая жидкости, он действовал уверенно, хотя руки слегка дрожали. Раствор начал мерцать, будто внутри него пульсировала жизнь.

Доктор наполнил шприц из стеклянной трубки и вонзил иглу в шею покойника... И вдруг кожа на шее вздрогнула. Грудь слегка приподнялась. Пальцы, посиневшие и холодные, дрогнули.

Штраубе сел, тяжело дыша, будто после чахотки. Голос его был сух и сипел, как через песок: – Мерзотик... ты... закончил моё уравнение?

Доктор улыбнулся, глядя прямо в мёртвые зрачки:— Нет, мой друг. Я лишь начал твоё дело заново.— Цена? — прошептал он. — Мы оба её заплатили. Осталось понять, чья теперь жизнь.

Генрих упал, потеряв сознание.

Глава VI. Дом двух врачей.

В городе Дюссельдорфе стоял дом, о котором старались не говорить. Днём он выглядел покинутым, окна заколочены, ставни разбиты, вход зарос травой. Но по ночам в доме вспыхивал тусклый жёлтый свет – не лампадный и не свечной, а такой, будто он рождался внутри стеклянных сосудов.

В том доме жили трое. Доктор Мерзотик – вернувшийся с того света, осунувшийся, но с глазами, полными холодного огня. Доктор Штраубе – его оживлённый коллега, живой и мёртвый одновременно, чьё тело уже не подчинялось обычным законам. И юный Генрих – послушный ученик, служивший им руками, глазами и, сам того не осознавая, проводником между живыми и мёртвыми.

Генрих числился работником в богадельне. Туда свозили бродяг, калек, больных чахоткой и тех, кого даже нищенский приход не хотел кормить. Днём он помогал ухаживать за больными, по ночам же – с мешком на спине и фонарём – тихо выкрадывал тела. Иногда – живых. Иногда – тех, кто уже перешагнул грань.

Он приносил их в тот дом, где два доктора трудились над созданием сыворотки жизни и эликсира Штраубе – веществ, способных менять плоть, разум и, как надеялся сам Штраубе, подчинять смерть.

Сначала всё шло в согласии. Мерзотик и Штраубе работали бок о бок, спорили только о пропорциях, формулах, или – в шутку – о цене человеческих костей на чёрном рынке. Они оживляли мёртвых собак, возвращали пульс телам, лишённым крови, заставляли сердце биться при полном отсутствии дыхания.

Но постепенно цели разошлись.

Штраубе, вновь обретая жизнь, стал одержим идеей совершенства тела. Он говорил, что плоть – всего лишь материал, в каждом человеке можно заменить всё: кровь, кости, внутренности. Он хотел создать новый вид человека, неподвластный времени. – Мы должны превзойти природу, – говорил он. – Она ошибается каждое утро.

Мерзотик слушал его всё чаще с раздражением. – Ошибается не природа, а те, кто не умеет видеть в ней красоту. – Красота – не цель. Это всего лишь побочный эффект цивилизации, – усмехался Штраубе.

Мерзотик видел в своих опытах творчество – искусство, близкое к музыке и живописи. Он любил наблюдать, как кровь меняет цвет под воздействием трав, как кожа принимает странные оттенки от ртутных настоек. Он говорил: – Человек – это холст. Хирургия – кисть. А жизнь – краска, которую дают лишь на время.

Штраубе презирал его романтизм. Он считал Мерзотика артистом среди врачей, а не учёным. – Ты тратишь возможности на красивые шрамы, а я хочу сотворить бессмертие! – кричал он однажды, разбивая колбу.

С того дня они перестали работать вместе.

Генрих ходил между ними, как между двумя тенями. Штраубе тайком заставлял его приносить живых пациентов, утверждая, что без «живого страха» эксперимент обречён. Мерзотик же просил приносить только умерших – ему хватало того, кто уже не кричит. Иногда Генрих путался в приказах, и тогда дом наполнялся стонами, треском костей и запахом химии. Он уже не различал, кто из докторов более безумен.

Однажды, вернувшись поздно ночью, он застал обоих в лаборатории. Мерзотик стоял с окровавленными руками, а Штраубе – напротив, держа склянку, в которой булькала новая партия эликсира. Между ними на столе лежало тело юноши – ещё живого.

– Он согласился добровольно? – спросил Мерзотик. – Какая разница, – ответил Штраубе. – Важен процесс. – Нет. Важен результат.

Штраубе рассмеялся.— Смысл в том, чтобы вырвать душу у смерти. Остальное – сентиментальность.

И тогда Мерзотик вырвал у него склянку, разбил о пол и сказал:— Тогда мы больше не коллеги, – тихо сказал Мерзотик.

С той ночи дом раскололся надвое. Каждый занимал свой угол, каждый ставил свои опыты. Иногда Генрих слышал, как под полом что-то шевелится, как будто не все подопытные умерли. Штраубе больше не появлялся днём, и его тень двигалась по стенам сама собой.

А Мерзотик писал в дневнике: «Я хотел исцелять, а не выдумывать вечность. Штраубе не понимает: жизнь ценна лишь потому, что она коротка. Я спасал людей. Он – пытается отменить смерть. Но смерть – это единственный врач, которого нельзя подкупить».

С тех пор в Дюссельдорфе начали говорить, что ночью на окраине слышны стоны, будто кто-то поёт сквозь закрытые двери и окна заброшенного дома. Иногда на рассвете находили следы крови, ведущие к старому дому с забитыми окнами. И те, кто был особенно смел, утверждали, что там живут три человека, но по-настоящему живым среди них был лишь один.

Глава VII. Морской путь.

Из “Записей о плавании доктора Альфреда Мерзотика, бывшего хирурга и врача из Дюссельдорфа”

(рукопись, обретенная в устье Темзы в 1693 году, среди обломков судна без имени)

1. Отъезд.

В тот год, когда в Рейнском крае стояла долгая, промозглая осень, доктор Альфред Мерзотик покинул Дюссельдорф. Он уезжал тайно, оставив на столе в лаборатории недописанное письмо – то ли Штраубе, то ли самому себе. Ему надоело жить в доме, где воздух был отравлен философией безумия. Штраубе говорил о преодолении смерти, крови, границе между плотью и духом, и всё чаще в его речи сквозили слова, не принадлежащие человеческому языку. Мерзотик устал от тумана алхимии и в одну из ночей взял шляпу, походный сундук и склянку с надписью *Essentia Straube №3* – по ошибке захваченную среди своих растворов. Его целью была Англия – университет, где он когда-то учился. Там, как он надеялся, ещё оставались коллеги, помнившие его по лекциям и трактатам. Он хотел преподавать анатомию, вернуться в рамки науки и забыть о страшных опытах, свидетелем которых стал.

2. Судно.

В порту Роттердама Альфред нанялся на торговый барк под именем *Maria Theresia*, идущий в Дувр. Капитан корабля, господин Адриан ван Роон, человек строгий, богобоязненный, согласился взять его судовым лекарем. Команда состояла из тринадцати человек: восемь голландцев, двое фламандцев, один немец, один швед и странный иностранец с восточными чертами, прибывший накануне отплытия, предложивший продать провизию по бросовой цене: солонину, сухари, вино и сушёные фрукты. Капитан купил. Доктор, проверяя груз, отметил странный запах железа, но списал на влажность склада.

8 ноября 1687 года *Maria Theresia* снялась с якоря. Море было холодно, серо и тихо.

3. Первые болезни.

На третий день плавания матрос по имени Якоб пожаловался на ломоту в костях. На четвёртый – у него потемнела кожа, губы потрескались, глаза стали мутными. Он умер под утро, а к вечеру его тело начало иссыхать, словно изнутри испарилась вся влага. Капитан приказал выбросить тело за борт. На пятый день заболели ещё трое. Мерзотик изнурял себя у их коек: ставил припарки, вскрывал нарывы, пускал кровь. Но тела становились всё легче, будто пустели. Кожа натягивалась, пальцы чернели, а вены исчезали. Ни один недуг из известных ему не развивался так. Это была не болезнь, а обращение – превращение живой плоти в нечто иное.

4. Паника.

Ночью шестого дня ветер стих. Море лежало неподвижно, как свинцовая гладь. На палубе царил тишина, нарушаемая лишь скрипом дерева и приглушёнными стонами из кают. Мерзотик не спал. Он видел, как капитан, молясь, просил Господа спасти корабль. Но к рассвету сам капитан упал – бледный, с холодным потом на висках. – Доктор, – прошептал он, – если

можешь... спаси.— Я не Бог, — ответил Мерзотик. — Я лишь врач.— Тогда сделай хоть что-то. Ради команды. Ради нас всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.